УДК 803.0-125

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВАТОВ

Плясов А.Ю.

В одной из работ О.В.Афанасьева [1] отмечает, что "по традиции имя прилагательное включалось в разряд именных слов и часто рассматривалось в одном ряду с именами существительными, а иногда и числительными" [1, 29]. С появлением генеративной грамматики взгляд на природу прилагательного начинает пересматриваться. Если в традиционной грамматике имена прилагательные причисляли к блоку имен на основании возможности адъективных слов изменяться по падежам, числам и родам в тех языках, где имеется развитая морфология, то результаты исследований генеративистов указывают, на то, что склонение имен прилагательных можно рассматривать как факт их поверхностной структуры. Легко описываемые путем определенного набора трансформационных правил, такие изменения далеко не обязательны для всех языков мира. В большинстве зарубежных лингвистических изысканий последних десятилетий "имена прилагательные относят именно к разряду признаковых слов и описывают их в составе последних. Включение адъективной лексики в этот разряд и причисление ее к признаковым словам имеет свои аргументированные основания. К этой группе причисляют слова, имеющие предметную (в широком смысле слова) референтную отнесенность. Вторая же объединяет глаголы и прилагательные, так как оба разряда проявляют сходство, во-первых, с точки зрения их функционирования в составе предложения, а во-вторых, с точки зрения их обращенности к таким фрагментам экстралингвистической данности, которые можно охарактеризовать как атрибуты субстанции" [1, 30].

Согласно такому пониманию условно промежуточного морфологического статуса субстантивированных адъективов в системе частей речи следует попытаться детально рассмотреть их морфемно-словообразовательные характеристики. Надо заметить, что этот аспект транспозитов неоднократно рассматривался исследователями, хотя и не всегда с достаточной последовательностью.

Наиболее показательна в этом отношении диссертационная работа А.А.Смирновой [2]. Поставив задачу определения "места субстантивации прилагательных и причастий в сфере отношений синтаксиса и словообразования", автор последовала за представителями традиции русистики, которые рассматривают транспозицию в рамках "морфолого-синтаксического способа" словообразования. Этот термин, предложенный В.В.Виноградовым [3, 155-165], вполне адекватен сути транспозиции - изменению категориального значения, сопровождаемого различием в морфологической парадигме и в синтаксической функции слова. Но, по замечанию В.М.Никитевича [4, 102-3], слишком общее толкование термина "словообразование", распространяемое на все случаи транспозиции "стирает многие весьма важные градации между разными группами этого порядка". По мнению О.М.Кима, "при трактовке морфолого-синтаксического способа как перехода слов из одной части речи в другую фактически учитывается только форма слова, ее соответствие синтаксической функции и совершенно игнорируется содержательная структура производных" [5, 8]. Именно в этом ключе выполнена работа А.А.Смирновой, разделяющей точку зрения, согласно которой "вместо условного и очень приблизительного деления субстантиватов на окказиональные и устойчивые предлагается взгляд на продукты АПС (адъективой и причастной субстантивации - АП) как некий континуум градуально различных образований с разной степенью лексикализации" [2, 7].

По мнению автора, "различаются два основных структурно-семантических типа субстантиватов - среднего рода с абстрактно-предметным и конкретно-предметным значением и мужского и женского рода со значением лица" [2, 9]. В принципе, это замечание весьма справедливо, но оно ни в коей мере не раскрывает "места субстантивации… в сфере отношений синтаксиса и словообразования".

По установившейся в лингвистике традиции словообразование понимается как образование новых слов. Г.Буссманн [6, 587] определяет его как «исследование и описание способов и закономерностей при образовании новых комплексных слов на основе имеющихся в наличии языковых средств». Согласно М.Д.Степановой и В.Фляйшеру [7, 11] позиция словообразования в языковой системе до конца не ясна, она затрагивает как грамматику, так и лексикологию. В свою очередь, Ю.Людтке [8, 1] усматривает позицию словообразования скорее на пересечении морфологии, синтаксиса и семантики. Для Д.Кастовского [9, 155] причина неопределенности позиции словообразования в грамматике кроется в его

двойственном характере как процесса и инвентаря языковых средств. Но в любом случае словообразование как научная дисциплина изучает закономерности, по которым образуются новые слова и языковые средства, которые при этом используются (префиксы, суффиксы и др.) [10, 19].

Именно из этого исходит А.А.Сиротина. Она справедливо полагает, что "сущность процесса субстантивации заключается в переосмыслении категориального значения производящего слова в значение предметности, поэтому субстантивацию частей речи можно рассматривать как грамматико-семантический способ словообразования. Изменение категориального, частеречного значения слова влечет за собой изменение грамматических категорий. В процессе субстантивации производящее слово (или его любая форма) обязательно приобретает грамматические категории имени существительного, т. е. категории рода, числа, падежа. Как и у исконных имен существительных, эти категории имеют у субстантиватов абсолютный характер" [11, 3].

А.А.Сиротина, рассматривая родовую стратификацию субстантиватов, совершенно справедливо отмечает, что "грамматический род субстантиватов, служащих названиями одушевленных предметов, определяется семантическим фактором. Эти субстантиваты в подавляющем большинстве своем являются названиями человека, и в зависимости от биологического пола они принадлежат либо к мужскому, либо к женскому роду. К таким субстантиватам относятся: 1) субстантивированные в полной форме прилагательные и причастия, называющие лицо по его внешнему или внутреннему признаку, например: der, die, Alte, Reisende, Lange… Er wandte sich an den langen Sommersprossigen (W.Bredel)…

Число устойчивых субстантиватов-названий животных очень мало, например: der Braune (braunes Pferd). Названия детей и детенышей без указания на пол относятся к среднему роду: das Kleine (kleines Kind, Säugling), das Junge (Tierkind)" [11, 8].

Кроме этого, автор справедливо указывает на существование группы субстантивированных прилагательных в краткой форме, которые называют лицо по присущему ему признаку, например: Nimmersatt. "Некоторые из этих субстантиватов являются общепринятыми, вошедшими в язык словами… Большинство же таких обозначений лица относится к числу окказиональных субстантиватов, создаваемых говорящими в процессе речи в условиях данной речевой ситуации" [11, 7].

Отмечено, что "семантическим фактором определяется и род субстантивированных прилагательных.., обозначающих отвлеченные понятия. Эти субстантиваты относятся к среднему роду. Например: das Einfache, Größere, Beste… Как слова среднего рода оформляются в языке и субстантивированные в краткой форме прилагательные, служащие обозначениями цвета, красок и языков. Например: das Blau, Grün, Rot, Weiß, Schwarz, Russisch, Deutsch, Englisch" [11, 7-8].

Наблюдение А.А.Сиротиной в формальном отношении совершенно справедливо. Однако согласиться с положением о семантической обусловленности среднего рода субстантивированных адъективов достаточно сложно. В данном случае эта грамматическая категория определяется не семантикой, а соотнесенностью символа, каковым представляется лексема, с референтом, если уж пользоваться семиотической терминологией. И это в семиотическом плане выводит родовую детерминацию в сферу экстралингвистических факторов. Правда, экспликация этой соотнесенности имеет место в речевом потоке. Но тогда уж следует говорить о коммуникативно-прагматическом факторе, который Г.Хельбиг обозначил как детерминация "Satz-semantisch" [12, 7-35], что соответствует русскому "обусловленность семантикой предложения".

Надо заметить, что изложение проблемы можно обнаружить также и в других работах А.И.Сиротиной [13; 14]. Но конкретной речи о морфемно-словообразовательном аспекте субстантивированных адъективов ни здесь ни в иных специальных работах не велось. Поэтому мы далее намерены обратить особое внимание на эту сторону вопроса. Но для этого следует, видимо, снова вернуться к теории именного словообразования, чтобы определиться в ее методике.

В современной лингвистике известна достаточно широкая палитра специальных методик изучения словообразования. В первую очередь можно обратить внимание на работы, вополненные под влиянием теории семантических полей. Одна из первых попыток описания лексико-семантических групп и их словообразовательных средств восходит к работе К.Мюлефельда [15]. Однако первое описание членения словарного состава с использованием методики блоковой стратификации дано в грамматике П.Гребе, в которой приводится блок существительных со значением профессиональной занятости [16, 412]. Подробное описание блоков имен существительных дано в работе Х.Бринкманна [17]. В поле зрения автора здесь оказываются такие семантико-словообразовательные разряды, как блоки общих понятий, уменьшительных слов, субъекта, инструмента, процесса (Gesamtbegriffe, Diminutiva, Subjektbegriffe, Werkzeugnamen, Vorgangsbegriffe).

Исследование "содержательного плана" субстантивных производных предпринимается в работе В.Вельмана [18, 18]. В работе дана развернутая характеристика фонологической структуры словообразовательных формантов, впервые описывается вариативность суффиксальных морфем,

демонстрируются группы производных, объединенных общей семантикой. При этом в качестве основной задачи усматривается стремление показать "производство по образцам семантической модификации с различными доминантными признаками" - уменьшительностью, собирательностью, отрицанием, носителем действия и пр. [18, 4]. Весьма примечательно, что при этом учитывается морфологическая характеристика производящих основ.

Заслуживают внимания в исследовании словообразования и работы генеративно-трансформационного направления, особое место в котором принадлежит трудам Б.Наумана [19; 66]. В этих работах словообразование рассматривается как особый порождающий механизм, генератор производных, а система словообразования описывается как процесс порождения из синтаксических синтагм правильно построенных производных. Согласно автору, словообразование - это "трансформация, которая не изменяет глубинную структуру синтагмы, а только придает ей другую поверхностную структуру" [19,21].

В соответствии с характером глубинной семантики синтагм Б.Науман делит все существительные немецкого языка на три группы: 1) отглагольные существительные (в их основе лежат глагольные синтагмы); 2) композиты, группирующиеся в зависимости от синтаксических синтагм, их порождающих; 3) отыменные и отадъективные суффиксальные существительные, которые образуют промежуточную группу. В соответствии с принципами генеративной грамматики Б.Науманн предлагает включать в лексиконы только формативы - единицы, являющиеся семантическим пучком признаков, снабжая формативы правилами трансформации из них всех возможных наборов производных и сложных слов.

Третий метод исследования словообразования исходит из синтаксического аспекта этого явления. Однако при его оценке необходимо иметь в виду, что он изначально был направлен на изучение именно композитных образований, которые, в отличие от дериватов иных типов, в немецком языке весьма специфичны. Тем не менее, и здесь следует отдать должное работам М.Д.Степановой [20], В.Г.Адмони [21], В.М.Павлова [22].

В анализе словообразовательного аспекта транспозитов можно было бы попытаться воспользоваться теорией конверсии А.И.Смирницкого. При этом "конверсия есть такой вид словообразования, при котором словообразовательным средством служит сама парадигма слов" [23]. Но ее, в силу специфичности явления, не всегда возможно соединить со всеми варинтами транспозиции. Можно было бы прибегнуть к методике нулевой аффиксации, котрая занимает важное место в общей системе словообразования. По своему функциональному назначению выраженная и невыраженная, т. е. нулевая, аффиксация представляют собой две стороны единого процесса репрезентации различных типов морфем (ср.: *бегать* → *бегание* → *бег*). Уместно вспомнить на этот счет замечание Ш.Балли: "Нулевым знаком является знак, фигурирующий без положительного означающего, но с определенным значением в определенном месте синтагмы, которую можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида, где этот суффикс имеет эксплицитную форму" [24, 177].

По всем показателям в транспозиции трудно согласиться с участием нулевого аффикса либо парадигмы. Следовательно, вопреки замечаниям О.М.Кима о том, что "словообразование и транспозиция на уровне частей речи - принципиальные явления" [5, 9] и Е.Куриловича о том, что "расширяя область деривации, можно обойтись без понятия флексии" [25, 65], следует искать иной путь рассмотрения морфемно-словообразовательных особенностей субстантиватов изучаемого типа.

Однако, попытаемся обратить свое внимание на условия и механизм транспозиции. Следует заметить, что это явление затрагивается во многих работах [26, 117]. Однако, оно рассматривается фрагментарно в системе словообразования. Так, Р.Пустет рассматривает лишь функции субстантивированного адъектива (адъективно-атрибутивную и адъективно-предикативную) как результата транспозиции. Б.Штайб считает конверсию способом образования семантических неологизмов. Поэтому мы сочли целесообразным обратиться к концепции Е.Куриловича [25, 58 - 65]. Для этого прояснения поставленной проблемы необходимо хотя бы реферативно изложить его мнение по этому вопросу, сопроводив это изложение, по мере необходимости, своими комментариями.

Автор замечает, что существуют "анафорические" прилагательные, которые являются настоящими прилагательными с точки зрения их лексического значения, но с синтаксической точки зрения функционируют как существительные; существуют причастия, лексическое значение которых эквивалентно лексическому значению соответствующего личного глагола, но которые с точки зрения их синтаксической функции могли бы рассматриваться как прилагательные и т. д. Попытка П.Слоти (автор анализируемой работы - АП) установить соотношение между лексическим значением и синтаксической функцией, по мнению Е.Куриловича, кажется с первого взгляда одним из тех философских построений, которые претендуют на почетное место в общей грамматике, но, будучи неприменимы ни к одному реальному языку, остаются бесплодными и не имеют практического значения для собственно лингвистики. В самом деле, может показаться, будто возможность сочетания данного лексического значения с любой синтаксической функцией является блестящим подтверждением независимости двух

рядов значений или грамматических функций (значений лексических или семантических, с одной стороны, и значений синтаксических - с другой). Если это так и независимость данных классов функций действительно имеет место, можно устанавливать части речи, исходя либо из одной, либо из другой функции, то есть либо с лексической, либо с синтаксической точки зрения. Нам думается, что здесь Е.Курилович в чем-то и прав, но в чем-то и неправ. Речь при этом идет вовсе о независимости двух рядов значений. Их взаимообусловленность является лингвистической аксиомой. Однако, возможность установления частей речи существует именно с учетом категориального лексического значения и синтаксической функции. Но при этом, здесь Е.Курилович прав, трудно обойтись лишь двумя измерениями. Поэтому, согласно представлению языкового знака в виде семиотического треугольника Огдена-Ричардса, требуется введение третьей величины - референта. При этом мы разделяем мнение А.А.Уфимцевой, которая считает, что "референт есть реальный (или воображаемый) конкретный предмет референции словесного знака в актуальной речи; как экспонент данного класса предметов референт может быть конкретным предметом, лицом и т. п., на который знак указывает как на члена именуемого им класса" [26, 106]. Тогда произвольность толкования онтологии частей речи снимается.

Е.Курилович продолжает: из этого можно было бы сделать следующие выводы: 1) различие между существительным, прилагательным, глаголом, наречием может быть установлено только с одной точки зрения - лексической; 2) отношения между лексическим значением и синтаксической функцией не существует. Первый вывод верен, но против второго справедливо восстанут как традиционная грамматика, так и лингвисты-практики. Из того факта, что слово обозначающее качество (то есть прилагательное), может выполнять функции и определения, и сказуемого, и самостоятельного определяемого (анафорическое прилагательное), отнюдь не следует, что все эти синтаксические функции в равной мере присущи рассматриваемой части речи. Иначе говоря, лингвист-практик выступит за понятие *первичной синтаксической функции* (и *вторичных синтаксических функций*) (выделено автором - АП). В принципе, автор абсолютно прав. За исключением малой детали: отношения между лексическим значением слова, если речь идет лишь о конкретном лексическом значении ("дерево", "молодой" и др.) и синтаксической функцией непосредственно не существует. Оно проявляется, применительно к классификации частей речи, лишь на уровне обобщенных значений. На уровне конкретных значений это может наблюдаться лишь в случаях "синтаксически обусловленного лексического значения" [28].

Но, не боясь повториться, скажем, что автор абсолютно прав, утверждая далее, что объективное обоснование различия между первичной и вторичной функцией следует искать прежде всего в самом языке, то есть в формальных моментах, а не во внеязыковых явлениях, какими являются, например, общие условия действительности или психический склад. Поэтому общий закон, касающийся отношения первичной синтаксической функции к вторичным синтаксическим функциям, состоит в следующем: если изменение синтаксической функции некоторой формы (некоторого слова) А влечет за собой формальное изменение А в В (при той же лексической функции), первичной синтаксической функцией является та, что соответствует исходной форме, а вторичной - та, что соответствует производной форме. Соответственно, факт образования, например, в германских языках слабого прилагательного от сильного свидетельствует о том, что функция определения является первичной функцией прилагательного, а функция анафорическая - вторичной. Далее следует важная деталь: формальные различия между первичной и вторичными функциями могут быть присущи не словам, а словосочетаниям, частью которых является рассматриваемое слово. Вместо того, чтобы говорить о формальном различии, удобнее пользоваться термином "различие синтаксического окружения, или синтаксических условий" [25, 60].

По мнению Е.Куриловича, в большинстве современных индоевропейских языков предикативное прилагательное образовано от прилагательного-определения посредством глагола "быть", например rouge: est rouge "красный : красен" (букв. "есть красный"). В русском языке, где сохраняется простая (= несоставная) форма славянского прилагательного в предикативном употреблении, эта простая (краткая) форма образуется от составной (полной), употребляемой в качестве определения. Направление процесса деривации изменилось вследствие изменения синтаксической функции форм. Современное направление деривации определяется сопоставлением таких пар, как *белый* - *бел*, с одной стороны, и *маленький* - *маленький* - с другой.

В достаточно распространенных случаях фонетического совпадения номинатива и аккузатива существует отношение деривации между двумя синтаксическими употреблениями этих форм существительного, которое можно сформулировать так: именно аккузатив образуется от номинатива, поскольку аккузативу отводится определенное место по отношению к глаголу (например, вообще после глагола или непосредственно после глагола). Место аккузатива *отмечено*, или *мотивировано*, место номинатива - *не отмечено*, или *не мотивировано*.

По мнению автора, из сказанного следует, что слова обладают первичной синтаксической функцией в зависимости от их лексического значения (*существительное* : *подлежащее*, *прилагательное* : *определение к существительному*, *глагол*: *сказуемое*, *наречие* : *определение к глаголу*). Но всякое употребление их в другой синтаксической функции, отличной от первичной, является с формальной

точки зрения *мотивированным* и *отмеченным* употреблением. Здесь же автор делает поправку по пункту, который ранее вызвал наше возражение, - структурный анализ языка доказывает, что "устаревшая" теория, устанавливающая соотношения между частями речи и их синтаксическими функциями, не лишена основания. Возражение, состоящее в том, что части речи могут играть любую роль в синтаксической структуре словосочетания или предложения, не учитывает того факта, что между различными синтаксическими функциями одной части речи существует иерархия и для каждой части речи имеется основная (исходная), или первичная, синтаксическая функция. Хотя мы (Е.Курилович - АП) и согласны с В.Брёндалем [29], когда настаиваем на строгом различении лексических и синтаксических функций слов, подчеркивая лексический характер частей речи, мы утверждаем, с другой стороны, что первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своегот рода транспозицию этих значений. Мы употребляем термин "деривация", пишет Е.Курилович, в широком смысле слова, понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных *вторичных* синтаксических значениях, будучи в *отмеченном* синтаксическом окружении. Этот постулат дает Е.Куриловичу возможность утверждать, что понятие синтаксической деривации кажется ясным. Синтаксический дериват - это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией: она обладает синтаксической морфемой ("Feldzeichen" у К.Бюлера [30, 35]). Например: флексия у германского прилагательного, фиксированное место дополнения по отношению к глаголу; артикль, служащий для субстантивации…

Именно в этом месте следует сделать существенное замечание. Согласно большинству классификаций частей речи в немецких грамматиках (о чем речь подробно велась в первой главе) артикль представляет собой самостоятельный грамматический класс слов. При этом он является непременным атрибутом, маркирующим субстантивированные адъективы. Если в отношении к именам существительным артиклю выступает в большей мере как субститут словоизменительной флексии, то в отношении транспозитов данного вида (впрочем, и любых иных категорий лексики, переходящей в разряд предметных имен) он выступает облигаторным элементом транспозитивной деривации. Следовательно, при анализе словообразовательных особенностей субстантиватов можно без всякой натяжки утверждать, что транспонированные единицы немецкого языка представляют собой комплекс, отвечающий в структурном отношении словосочетанию. Именно таким образом при транспозиции компенсируется остутствие словообразовательных морфем, что, в принципе ставит под сомнение применение к данному случаю понятия "нулевая морфема".

Однако возвратимся к учению Е.Куриловича, который далее констатирует вытекающее из рассуждений наличие форм, которые трудно поместить в какой либо из традиционных классов. Анафорическое прилагательно обычно относят к прилагательным, а приглагольный падеж типа лат. *ferro* "железом" считают особой формой существительного на основании лексического значения. Грамматисты, считает Е.Курилович, справедливо опираются чаще на лексическую функцию (достаточно курьезный термин - АП) и объединяют причастие с личным глаголом, а анафорическое прилагательное с прилагательным-определением. Теперь нетрудно понять, чем отличается синтаксическая деривация от того, что называют лексической деривацией, или короче - деривацией. В то время как синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения (например, прилагательное-определение - анафорическое прилагательное, без изменения лексического значения), деривация лексическая предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции. Можно разложить процесс деривации на два этапа: 1) этап синтаксической деривации: прилагательное-определение $\rightarrow$ анафорическое прилагательное; 2) этап лексической деривации: анафорическое прилагательное $\rightarrow$ существительное. В немецком языке, где частично сохранилось древнее германское различие между прилагательным-определением и анафорическим прилагательным (ein junger Mann, der junge Mann "молодой человек", но в анафорической функции только der junge), такие существительные, как der Junge и ein Junge "юноша", связаны по своему происхождению с анафорической формой, которая имеет всегда основу на -n-, в то время как определение может иметь как сильную, так и слабую основу (в зависимости от предшествующего местоименного элемента). Тот факт, продолжает Е.Курилович, что существительное образовано от анафорического прилагательного, а не от прилагательного-определения, имеет основополагающее значение, хотя это выражается формально только там, где язык различает прилагательное-определение и анафорическое прилагательное. Другой поучительный пример - абстрактные существительные, образованные от прилагательных, такие как нем. Höhe "высота" и т. д. Существенноto, что эти существительные образованы не от прилагательных-определений, а от прилагательных в роли сказуемого. В работе В.Порцига [31] указывается, что абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным. Когда говорят "высота этой горы", речь идет не о качестве "быть высоким", а о вертикальном измерении. Думается, что в этом вопросе Е.Курилович не совсем объективен. По крайней мере, по отношению к немецкому языку. Субстантивироваться могут две формы

прилагательных - полная (das Schöne) и краткая (das Blau). Это обстоятельство не совсем согласуется с положением о первичном преимуществе анафорического адъектива по сравнению с прилагательным-определением, которое вполне может иметь место во французском либо английском языках. Более того, приведенный пример - der Junge (Mann) - имеет в своей основе явление лексического эллипса, тогда как возможны и другие способы образования субстантиватов на основе транспозиции (ср.: etwas Neues и пр.).

По другой концепции [5, 9-11], словообразование и транспозиция на уровне частей речи - принципиально разные явления, относящиеся к разным аспектам слова. Один из основных моментов в выяснении соотношения "словообразование и транспозиция", считает О.М.Ким, - четкое разграничение в слове двух планов - лексического и грамматического. Слово как член лексической системы - это лексическое слово. Лексические слова - это реальные слова в полном объеме их семантической структуры, они индивидуальны и обязательно противопоставлены друг другу. Грамматические же слова, напротив, адекватны друг другу в пределах определенного разряда или класса слов. На этот счет А.А.Потебня замечал: "Слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других" [32, 35]. Именно это обстоятельство позволяет О.М.Киму утверждать, что словообразование тесно связано как с лексическим словом, так и грамматическим. Транспозиция же относится только к плану грамматического слова. Значения грамматического и лексического слова, продолжает автор, могут не совпадать. Так, в случае *прекрасное пение* и *прекрасно петь* мы имеем "одно и то же" на уровне референтных значений, но разное на уровне категориальных значений. Думается, что здесь автор не совсем прав, смешивая категории семантики и синтаксиса с категориями семиотики, тем более употребляя не вполне корректный термин "референтное значение", тогда как следовало бы говорить о референциальной отнесенности слов. Но дело не в терминологии. Гораздо важнее понять, что и в данном случае словообразование имеет место. Даже если, исходя из определенной модификации лексических значений форм "прекрасный" и "прекрасно", обозначить их удачным термином Е.Л.Гинзбурга "изонимия" [33, 9].

Однако автор продолжает - если предположить, что в языке словообразование и транспозиция - "две модели, наделенные разными функциями" (Якобсон), то различия их функций могут быть сведены к различию типов преобразования значений. Так, в результате словообразования возможны изменения значений: а) референтного; б) категориального; в) и референтного, и категориального. В результате транспозиции образуются всегда новые категориальные значения. Утверждая, что во флективных языках новое категориальное значение "часто вступает в конфликт с морфологической структурой слова, в которой отложилась его основная функция" (ср. субстантиваты, сохраняющие адъективное склонение и др.), автор приводит точку зрения А.Е.Михневича о важности не оказаться "под гипнозом морфологических форм" и помнить, что "язык имеет в своем распоряжении такие выразительные средства, которыми он побеждает морфологические формы [34, 152].

На основании всех представленных обстоятельств О.М.Ким определяет транспозицию на уровне частей речи как "порождение нового категориального значения с помощью изменения синтактики. При транспозиции материально тождественные грамматические слова (именно здесь более уместно было бы использование терминологического сочетания "изонимичные словоформы" - АП) или отдельные словоформы транспонируются в различные синтаксические позиции, характеризующие разные части, и именно синтаксическая позиция является конституентом нового категориального значения, а следовательно, и новой функции грамматического слова. Единица, образованная в результате транспозиции на уровне частей речи, сохраняет фонемный состав и звучание исходной единицы и, как вторичный знак, с другой классной принадлежностью, чем исходная, выступает в качестве своеобразного омонима последней" [5,11].

Признать это воззрение как справедливое можно. Однако оно справедливо лишь в частном, грамматическом аспекте. И, соглашаясь с автором в этом частном аспекте, мы имеем в виду, что явление транспозиции гораздо шире, поскольку оно сопрягает и синтаксис, и лексику, и безусловно словообразование. В этой связи уместно обратиться к высказыванию Л.П.Рупосовой о том, что "семантика производного формируется из семантических компонентов, образующихся при взаимодействии значений производящей основы и словообразовательного форманта и сем, реализующихся только в процессе функционирования производной лексемы" [35, 55].

Тем не менее, анализ теории транспозиции позволяет сделать существенные выводы, необходимые для дальнейшего исследования. Во-первых, это касается механизма смены синтаксической функции транспонируемой единицы при сохранении ее лексического значения, было бы правомерным уточнить - относительного сохранения, поскольку модификации здесь неизбежны и более того, именно они в купе с прагматической направленностью являются "двигателем" переноса. Во-вторых, транспозиция, поскольку в ее основу заложена модель словосочетания, вполне может быть причислена к категории речевых, но не

языковых явлений. Поэтому специальные изыскания в области окказиональных либо узуальных субстантивированных единиц по большей части бесплодны, так как едва ли могут внести что-либо новое в теорию и практику субстантивации. На уровне языка транспозиция, находясь в точке пересечения синтаксиса и семантики, реальна лишь в виде общей словообразовательной модели, допускающей бесконечное множество ее конкретных речевых реализаций. Да, действительно, отдельные субстантиваты в силу продолжительности частотного употребления могут вноситься в лексикографические материалы, обретая при этом якобы статус *языковых* единиц. Но при всем этом в каждый момент истории немецкого языка существует и множество незафиксированных транспозитов, что вовсе не свидетельствует об их возможном осложнении коммуникации.
Кроме того, в теории Е.Куриловича прослеживается мысль, о том, что транспозиция в какой-то мере шире субстантивации. И действительно, в научной литературе нельзя отметить единства по поводу употребления терминов "*транспозиция*", "*субстантивация*", "*номинализация*", хотя они вряд ли могут свободно замещать друг друга. И если с транспозицией дело обстоит более менее ясно, то два иных термина требуют краткого рассмотрения. Так, в лингвистическом словаре Т.Левандовского [36, Т.3, 933] в статье "субстантивация" дается ссылка на статью "номинализация" (36, Т.2, 518).

"Номинализация":

(1) **Словообразование** (также субстантивация)

Способ образования новых имен/субстантивов, перевод единиц иных классов слов (особенно глаголов и прилагательных) в класс существительных путем суффиксации (и префиксации), например, -∅ + аблаут (schießen - Schuß), -e (Suche), -t (Fahrt), -ung (Beschießung), -(er)ei (Singerei), Ge- + -e (Gesinge).

(2) **Трансформация**,

которая преобразует вербальные комплексы или целые предложения в номинальные фразы; прием, который преобразует отдельные слова или группы слов таким образом, что они могут выступать в предложении в функции номинальных фраз, "(Brinkmann); перевод вербальных предикаций в номинальное состояние" например, Die Gartenpforte kreischt -> Das Kreischen der Gartenpforte. - Форма образования предложения в парадигме предложения или трансформационное поле (Der Professor untersucht den Patienten -> Die Untersuchung des Patienten durch den Professor).В современном языке набирает силу тенденция образовывать предложения с простой основной структурой и наполнением именных членов; возможные предикативные отношения репрезентируются субстантивно-адъективными группами".

Таким образом субстантивация является, если ее рассматривать с точки зрения морфологии, результатом лексических операций, производящих из глаголов и прилагательных имена существительные. Понятие номинализации, если его расценивать с позиций синтаксиса, значительно шире: оно охватывает *номенообразующие* и *номинальнофразообразующие* операции (например, Wein trinken ist gefährlich) Некоторые исследователи [37, 4; 128, 6] различают субстантивацию (номенообразующие операции) (например, Peters Behauptung) и номинализацию (номинальнофразообразующие операции) (например, Peters Behauptung, daß der Kuchen vergiftet ist). В традиционной немецкой грамматике субстантивация рассматривается прежде всего в рамках словообразовательной теории; она подчинена грамматическим правилам. Номинализация является более сложным по комплексу процессом, чем субстантивация. Видимо, транспозиция выступает видовым понятием по отношению к номинализации и родовым по отношению к субстантивации.

Следует полагать, что представленные теоретические выводы могут дать возможность далее обратиться к практической реализации исследовательской задачи, состоящей в изучении речевого аспекта транспозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева О.В. Понимание прилагательного как признакового слова. Ономасиологический подход к изучению адъективной лексики // К юбилею ученого. Сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника лаборатории теоретического языкознания РАН Е.С.Кубряковой. - М.: МГПУ, 1997. - С. 29- 36.
2. Смирнова А.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современном немецком языке: Автореф. дисс. … канд.филол.наук. -Л., 1989. - С. 15-16.
3. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике / Избранные труды. - М.: Наука, 1975. - С. 155-165.
4. Никитевич В.М. Переход, конверсия и транспозиция // Русское языкознание. - Вып. 1. - Алма-Ата: Изд-во ун-та, 1971. - С. 102-109.

5. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. - Ташкент: Фан, 1978. - С. 4
6. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. - Stuttgart, 1983. - S. 987
7. Stepanowa M.D., Fleischer W. Grundzüge der deutschen Wortbildung. - Leipzig: Enzyklopädie, 1985. - 327S.
8. Lüdtke J. Prädikative Nominalisierung mit Suffixen im Französischen. - Tübingen: Niemeiyer, 1983. - 327S.
9. Kastovsky D. Wortbildung und Semantik. - Düsseldorf, 1982. - 296 S.
10. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache- Tübingen, 1975 - 246 S.
11. Сиротина А.А. Субстантивация частей речи в современном немецком языке. -Воронеж: Изд. ВГПИ, 1982. - 31 с.
12. Helbig G. Grammatik aus kommunikativ-pragmatischer Sicht? // Linguistische Studien. – Bd.2. –Leipzig: Enzyklopädie, 1984. – S. 7 – 35.
13. Сиротина А.А. О грамматических категориях субстантивированных прилагательных и причастий в современном немецком языке // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. - Т.43. - Воронеж, 1963. - С.29-37.
14. Сиротина А.А. Категория рода и числа устойчивых и окказиональных субстантиваций в современном немецком языке. - // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. - Т.170. - Воронеж, 1976. - С.78-86.
15. Mühlefeld K. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre mit Hilfe des Systems der Bedeutungsformen. - Halle, 1908. - 259 S.
16. Grebe P. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. - Mannheim, 1959. - Bd.4.- 946S.
17. Brinkmann H. Die Zusammensetzung im Deutschen // Sprachforum. - Köln-Graz, 1956/57. - S. 222-231.
18. Wellmann H. Das Substantiv // Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache / 2.Hauptteil. - Düsseldorf, 1975. - 350 S.
19. Naumann B. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache. - Tübingen, 1972. - 290 S.
20. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. - М.:Наука, 1968.
21. Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. - M.-L.: Prosweschtschenie, 1966. - 285S.
22. Павлов В.М. Субстантивное словосложение в немецком языке: Автореф. дисс… докт.филол.наук. - Л., 1973. - 46 с.
23. Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке // ИЯШ, 1954 - № 3. - С. 12-19.
24. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Ин.лит., 1955. - С. 143
25. Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.: Ин.литература, 1962. - 456 с.
26. Pustet R. Die Morphosyntax des "Adjektivs" im Sprachvergleich: Methodik. - Tübingen: Niemeyer, 1996. - S. 11 - 31.
27. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). - М.: Наука, 1986. - 240 с.
28. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // ВЯ, 1953. - № 5. - С. 3 -29.
29. Broendaile W. L' autonomie de la syntaxe. - JP, XXX, 1933. - P. 217ff. / Прив. по: Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М. Ин.литература:, 1962. - С. 61.
30. Bühler K. Sprachtheorie. - Tübingen, 1956. - S. 35. / Прив. по: 31.Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.:Ин.литература, 1962. - С.62
31. Porzig W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache // BdPh. - IV. - 1930. - S. 66-77 / Прив. по: Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.: Ин.литература, 1962. - С. 64.
32. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - Т.1.2., изд. 3. - М., 1958 - С.35. / Цит. по: Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. - М.: Наука, 1961. - С. 85.
33. Гинзбург Е.Л. Преобразование словообразовательных гнезд. Синонимия однокоренных // Проблемы структурной лингвистики 1984. - М.:Наука, 1988. - С.14-34.

34. Михневич А.Е. Проблема частей речи и типы словообразования // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов.). - Л., 1968 / Цит.по: Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. - Ташкент: Фан, 1978. - С. 10.
35. Рупосова Л.П. Типы словообразовательного значения русских специальных наименований XVI-XVII вв. // ФН - № 3 - 1990. - С.54-63.
36. Lewandowsky Th. Linguistisches Wörterbuch. - Bd- 1-3. - Heidelberg, 1979. - Bd.3. - S. 933.
37. Ehrich V. Nominalisierungen. - Nimwegen, 1981. - 366 S.